

А.М. ФОМИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т.Э. ЛОУРЕНСА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 годы)

Фигура полковника Томаса Эдварда Лоуренса (1888–1935) остается одной из самых спорных в истории Ближнего Востока и Первой мировой войны. Основные противоречия, которые возникают в историографии вокруг него, касаются трех вопросов: его реальной роли в событиях Арабского восстания 1916–1918 гг., роли самого восстания в ходе военной кампании Антанты против Турции, а также политических взглядов и мотивации действий Лоуренса и его личного отношения к арабам и “арабскому делу”¹. В настоящей работе мы не будем касаться двух первых вопросов, а попытаемся сосредоточиться на третьем. На наш взгляд, ответ на него гораздо лучше подсказывает его политическая деятельность после окончания конфликта, а не овеянные легендами приключения в сирийской пустыне в ходе войны. Отметим, что в таком исследовании нельзя ограничиваться изучением материалов, вышедших из-под пера самого Лоуренса. По мере возможности мы будем привлекать и отзывы о его деятельности со стороны британских политических деятелей и чиновников, так или иначе связанных с Арабским Востоком.

Лоуренс покинул Ближний Восток почти сразу же после взятия Дамаска (3 октября 1918 г.) и создания там арабской администрации эмира Фейсала. Эта администрация сразу начала конфликтовать с французской администрацией в прибрежных районах, доставляя все большее беспокойство британскому главнокомандующему Э. Алленби, но Лоуренс предпочел воздержаться от личного участия в этом конфликте. С момента возвращения в Лондон Лоуренс-военный окончательно превратился в Лоуренса-политика. Известно, что в военном деле он был дилетантом, однако смог добиться впечатляющих успехов, признанных даже профессиональными коллегами. То же можно сказать и о его политической “карьере”. Оказавшись в эпицентре жесточайшей борьбы и политических интриг, сопровождавших “миротворческий” процесс, бывший археолог должен был иметь дело с многоопытными политиками и дипломатами, для которых такая обстановка была привычной средой. В итоге он оценил свою работу как успех. Но для нашего небольшого исследования важны будут не только слова и действия самого Лоуренса, но и отношение к нему “профессионалов” большой политики.

Деятельность Лоуренса между возвращением с войны и вступлением под чужой фамилией в королевские военно-воздушные силы в 1922 г. можно совершенно четко разделить на несколько периодов:

1. С ноября 1918 по май 1919 г. – участие в подготовке и проведении Парижской мирной конференции в качестве британского эксперта, но прежде всего в качестве советника эмира Фейсала, формально представлявшего на этом форуме своего отца короля Хиджаза Хусейна.

Фомин Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Обзор англоязычной историографии, посвященной Т.Э. Лоуренсу, см.: *Raid B.H. T.E. Lawrence and his Biographers. – The First World War and British Military History. Oxford, 1991, p. 227–259.*

2. С мая 1919 по июнь 1920 г. – самостоятельная (как скрытая, так и публичная) активность в поддержку “арабского дела” и сирийского правительства Фейсала одновременно с работой над книгой “Семь столпов мудрости”.

3. С июня по декабрь 1920 г. – кампания в прессе против англо-индийской администрации Месопотамии в связи с антианглийским восстанием в этой стране.

4. С января 1921 по январь 1922 г. – работа в Ближневосточном департаменте министерства колоний под руководством У. Черчилля. Подготовка и проведение Каирской конференции колониальных деятелей, участие в англо-арабском совещании в Иерусалиме, миссии в Хиджаз и Трансиорданию.

Мы ограничимся краткой характеристикой каждого из этих этапов в политической деятельности Лоуренса Аравийского.

Уникальный опыт, приобретенный Лоуренсом в ходе войны, его дружеские отношения с эмиром Фейсалом были по достоинству оценены и востребованы британским политическим руководством накануне и во время Парижской мирной конференции. Однако этого нельзя сказать о взглядах Лоуренса на политическое обустройство Ближнего Востока. В этот момент наиболее острым вопросом была судьба Сирии. Перед Великобританией “во весь рост” встали проблемы: как развивать отношения с двумя союзниками (Францией и Фейсалом), которые почти не скрывали своей враждебности друг к другу, а также как согласовать свои откровенно империалистические планы с лозунгами “национального самоопределения”, которые приобрели в ходе войны необычайную популярность и опирались на авторитет президента США В. Вильсона. В отношении первой проблемы взгляды Лоуренса радикально разошлись с представлениями политического руководства, и прежде всего Ллойд Джорджа и Керзона, в отношении второй можно сказать, что представления Лоуренса находились в одном русле с идеями наиболее “прогрессивной” части британских руководителей, но молодой полковник шел явно дальше, чем они. Поскольку идея самоопределения многими воспринималась как “американская”, среди определенной части британских политиков стала популярна идея о привлечении США к делам Ближнего Востока. Лоуренс включился в эту кампанию, но довольно откровенно высказался о ней в своем дневнике: “Я хочу напугать Америку объемом ответственности, а затем мы должны сами взять на себя это дело”². Лоуренс не сомневался, что арабы в любом случае “самоопределятся” в пользу Великобритании.

Еще в ноябре 1918 г., выступая перед “Восточным комитетом” британского правительства, Лоуренс предложил план создания на Ближнем Востоке трех государств во главе с братьями эмирами Хашимитской династии: Фейсалом в Дамаске, Абдаллой в Багдаде и Сеидом в Мосуле. Все они в разной степени должны были находиться под британским влиянием, французам же отводилась лишь узкая полоска на побережье Ливана и Сирии. Лоуренс разделял общее для большинства британских экспертов мнение, что Ближний Восток должен стать зоной “британской доктрины Монро” в том смысле, что там нельзя было допустить влияния ни одной иностранной державы³. Восточный комитет выслушал Лоуренса и спокойно присовокупил его проект к множеству аналогичных сочинений других экспертов. Комитет был межведомственным органом, и план Лоуренса наглядно обнажил противоречия внутри него. Форин офис и военное министерство в целом поддерживали планы “хашимитского” решения ближневосточных проблем, но при этом не желали излишнего обострения отношений с Францией. Министерство по делам Индии, напротив, выступало резко против любого привлечения Хашимитов к участию в судьбах Месопотамии⁴. Уже на этом этапе

² *Lawrence T.E.* Diary of the Peace Conference (fragment – not continued), January, 1919. – http://www.telstudies.org/writings/works/articles_essays/1919_diary_of_the_peace_conference.shtml

³ *Lawrence T.E.* Reconstruction of Arabia. Memorandum for the Eastern Committee, 4.XI.1918. – http://www.telstudies.org/writings/works/articles_essays/181104_reconstruction%20of%20arabia.shtml

⁴ *Paris T.J.* British Middle East Policy-Making after the First World War: the Lawrentian and Wilsonian Schools. – *The Historical Journal*, 1998, v. 41, № 3, p. 775–778.

Лоуренс стал активно использовать прессу для обоснования своей позиции. Но если фигура эмира Фейсала, который уже стоял во главе собственной администрации в Дамаске, пользовалась у британского руководства известным авторитетом, то его брат Абдалла, которого сам Лоуренс ценил весьма невысоко за слабость и пассивность, казался далеко не лучшей кандидатурой для трона в Багдаде⁵.

Лоуренс смог стать одной из наиболее колоритных фигур Парижской мирной конференции. В лице Фейсала парижская публика, пожалуй, впервые увидела настоящего арабского шейха, но не меньшее впечатление производил всюду сопровождавший его Лоуренс, сочетавший арабский головной убор с мундиром цвета хаки. 6 февраля, когда Фейсал получил возможность выступить перед Советом Десяти, Лоуренс, выполнявший роль переводчика, появился рядом с ним в белоснежном одеянии шейха. Зачитанный им меморандум содержал требование о создании единого государства на всех арабских землях в Азии кроме Адена (британской колонии) и Палестины. Ее исключение объяснялось просто: незадолго до этого Лоуренс убедил Фейсала “пожертвовать” Палестину сионистам для создания там еврейского национального очага. Фейсал согласился, но лишь при условии, что конференция выполнит все остальные его требования. Это, очевидно, было нереально.

В ходе всей конференции Лоуренс стал добровольным помощником и секретарем Фейсала. До сих пор непонятно, в какой степени он согласовывал свои действия с Форин-офисом. Очевидно, он пользовался значительной свободой. Но столь же очевидно, что британское руководство чаще всего игнорировало все его усилия по отстаиванию “арабского дела”. На решающее заседание по Сирии 20 марта ни Фейсала, ни Лоуренса даже не пригласили. После бурных англо-французских дебатов было принято американское предложение направить в Сирию совместную комиссию для изучения “пожеланий местного населения”. Впоследствии после отказа англичан и французов посылать в комиссию своих представителей она стала чисто американской. На эту комиссию Фейсал возлагал большие надежды, но в дипломатических целях следовало продемонстрировать хотя бы внешнюю готовность к соглашению с Францией. Личная встреча Фейсала и Ж. Клемансо, состоявшаяся 14 апреля, не дала никаких результатов. Через несколько дней состоялся обмен письмами между двумя лидерами, в котором каждый из них во вполне доброжелательном тоне отстаивал свою точку зрения. При всем желании эти письма нельзя было истолковать как франко-арабское “соглашение”. Тем не менее именно Лоуренс (очевидно, под давлением руководства) подготовил проект соглашения Фейсала с Францией, по которому положение формально независимой Сирии по отношению к Парижу уподоблялось положению довоенного Египта по отношению к Лондону⁶. Никаких последствий этот проект, однако, не имел. В конце апреля Фейсал и Лоуренс покинули Париж. Фейсал отправился в Дамаск готовиться к приему намеченной комиссии, а Лоуренс – в Лондон хоронить своего отца и писать мемуары об “арабском восстании”.

Лето 1919 г. прошло в Сирии под знаком американской комиссии. Сначала все заинтересованные стороны к ней готовились, потом ее принимали, потом ждали результатов ее работы. Результатов не последовало. К августу руководство Форин-офиса окончательно убедилось, что сирийскую проблему предстоит решать без участия США, но зато в тесном взаимодействии с Францией, уступив ей административную власть на побережье и политическое влияние в Дамаске и внутренних районах. Фейсал, почувствовав, что намечается англо-французская сделка за его спиной, начал то просить, то требовать у англичан справедливости и слышать не хотел о переговорах с французами. Его поддерживал и фельдмаршал Алленби – глава военной администрации в Палестине и Сирии и бывший начальник Лоуренса. Фейсал рвался в Париж для участия в переговорах, туда же собирался приехать и Лоуренс. Мы располагаем

⁵ Ibid., p. 778.

⁶ Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut, 1960, p. 86–87.

свидетельствами трех важных сотрудников Форин офиса о его роли в этот период. В связи с возможным приездом Лоуренса в Париж А. Кларк-Керр писал своему коллеге Р. Ванситарту: “Высоко оценивая значение Лоуренса как технического советника по арабским делам, мы рассматриваем перспективу его возвращения в Париж в любом качестве с серьезными опасениями. Мы и военное министерство твердо убеждены, что он в значительной мере ответственен за наши беды с французами... Министерство по делам Индии надеется, что Лоуренс никогда больше не будет задействован на Ближнем Востоке в любом качестве. Если Фейсал прибудет в Париж позже осенью и Лоуренсу позволят направлять его, то мы непременно получим рецидив всех наших прошлых неприятностей”⁷. Мнение Ванситарта было прямо противоположным: “Есть мало надежды на урегулирование кроме как в согласии между Фейсалом и французами, и такое согласие вряд ли возможно иначе как при содействии полковника Лоуренса. Если его направлять должным образом, он, возможно, сможет привести Фейсала в разумное уmonoстроение. Если он не сможет или не захочет, то вероятно, не сможет никто другой”. Третий сотрудник Форин офиса, Г. Кидстон сделал приписку на этом письме: «Беда в том, что именно полковник Лоуренс всегда занимается “направлением”. Он сказал мне вполне откровенно, что не верит в англо-французское взаимопонимание на Востоке и что он рассматривает Францию как нашего естественного врага в тех краях, и что он всегда действовал соответственно»⁸.

О том, что Лоуренс явно рассчитывал быть чем-то большим, чем экспертом по Востоку и посредником между Фейсалом и Форин офисом, говорят его действия в сентябре 1919 г., когда решение сирийского вопроса вступило в решающую стадию. Как раз в это время имя Лоуренса стало широко известно британской публике благодаря шоу американского журналиста Л. Томаса, посвященному Алленби, Лоуренсу, войне в пустыне, которое посетили сотни тысяч человек, включая членов королевской семьи. Газеты наперебой превозносили Лоуренса не только как самого романтического героя войны и “некоронованного короля Аравии”, но и как лучшего в стране знатока Ближнего Востока. Лоуренс не преминул воспользоваться этой неожиданной популярностью “для пользы дела”.

В те дни было уже хорошо известно, что английские обязательства по отношению к Франции, с одной стороны, и к арабам – с другой, мягко говоря, плохо согласуются друг с другом. Проблема обсуждалась и в прессе, и в парламенте, но точное содержание этих “обязательств” оставалось от публики скрытым, за исключением Соглашения Сайкса–Пико, опубликованного большевиками еще в 1917 г. Желая способствовать истолкованию этих документов в выгодном для “арабского дела” ключе, Лоуренс написал письмо издателю “Таймс”, опубликованное 11 сентября 1919 г.⁹ Называя себя “возможно, единственным информированным европейцем без служебных обязанностей”, Лоуренс кратко изложил содержание четырех документов: письма Г. Мак-Магона шерифу Хусейну от 25 октября 1915 г., Соглашения Сайкса–Пико (май 1916), “Декларации для семи” (июнь 1917) и англо-французской декларации 9 ноября 1917 г. От себя Лоуренс добавил: “я не вижу никаких несоответствий и никакой несовместимости в этих четырех документах и я не знаю никого, кто их видит”. Здесь Лоуренс явно лукавил – несоответствия были слишком очевидны. Далее он писал, что соглашение 1916 г. невыполнимо и более не устраивает британское и французское правительства, однако его пересмотр это деликатная задача и “вряд ли может быть выполнена удовлетворительно Англией и Францией, без придания веса и выражения мнению третьей стороны – арабов”. Майор Х. Янг, один из экспертов Форин офиса по арабским делам, хорошо знавший Лоуренса, назвал этот поступок аравийского героя “тщательно рассчитанной неосторожностью”, целью которой было самооправдание в глазах арабов. Несанкционированное выступление Лоуренса, по мнению Янга, не

⁷ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939, ser. 1, v. 4. London, 1952, p. 354–355.

⁸ Ibid., p. 370–371.

⁹ T.E. Lawrence to the Editor of The Times. – The Times, 11.IX.1919.

могло нанести большого вреда, но и ничего хорошего не было в утверждении Лоуренса, что британская политика в Сирии якобы диктуется стремлением честно выполнять обязательства перед арабами¹⁰.

Между тем именно в этот момент в ближайшем окружении Ллойд Джорджа активно готовился проект соглашения с французами без участия арабов. Он принял форму “памятной записки”, направленной Ллойд Джорджем Клемансо 13 сентября. Она предусматривала полный вывод британских войск из Сирии и Киликии с передачей прибрежных районов Сирии под французский контроль, а внутренних – под контроль Фейсала, но при помощи французских советников. Взамен от французов требовалось согласие на строительство англичанами нефтепровода и железной дороги из Месопотамии к Средиземному морю.

Лоуренс не принимал участия в консультациях по подготовке этого документа, но, очевидно, до него доходили какие-то сведения, которые он истолковывал в слишком благоприятном для арабского дела духе. Об этом говорит, в частности, его личное письмо к Д. Ллойд Джорджу, которое он так и не отправил. Письмо датировано 9 сентября, когда текст “памятной записки” еще даже не был составлен. Тем не менее Лоуренс выражает глубокую благодарность премьер-министру: “Теперь в Вашем соглашении по Сирии вы выполнили все наши обещания по отношению к ним и дали им, быть может, больше, чем они заслуживают, и я испытываю великое облегчение, выходя из этого дела с чистыми руками. Мое первое проявление благодарности будет в том, что я подчинюсь Форин офису и военному министерству и никогда более не увижу Фейсала”¹¹. Вероятно, категорическое требование двух министерств “выйти из игры” было связано с несанкционированной публикацией в “Таймс”. Как бы то ни было, Лоуренс не удержался и уже через несколько дней снова предлагал государственным мужам свои услуги в качестве знатока Востока.

15 сентября он составил длинный меморандум для Форин офиса, главная идея которого состояла в том, что после вывода британских войск из Сирии Великобритания останется своего рода гарантом мирных отношений французов с Фейсалом, столкновение между которыми могло привести к хаосу во всем регионе. Как Форин офис отреагировал на этот меморандум, мы не знаем. Очевидно, Лоуренса угнетало его фактическое отстранение от арабских дел в тот момент, когда Фейсал снова находился в Лондоне, тщетно пытаясь оспорить англо-французское соглашение. В этой ситуации Лоуренс решил лично обратиться с письмом к новому главе Форин офиса лорду Керзону, предложив свои услуги в качестве посредника при переговорах с Фейсалом.

Лоуренс не оспаривал англо-французского соглашения, но предлагал так его истолковать, чтобы на его основе выстроить целую систему косвенного управления Ближним Востоком при преобладающем британском влиянии. Для этого требовалась перемена “в духе, а не в факте” британского управления на Ближнем Востоке. При этом условии Лоуренс вызвался убедить Фейсала принять англо-французское соглашение. Французы, опираясь на Соглашение Сайкса–Пико, требовали, чтобы их влияние в Сирии было не меньшим, чем влияние британцев в Месопотамии. Лоуренс предложил “поймать их на слове” и, перейдя к косвенным методам управления в Месопотамии, потребовать от французов аналогичных шагов в Сирии. В этом письме Лоуренс дал развернутое изложение своих идей о принципах взаимодействия с арабами. “Мое собственное стремление состоит в том, что арабы должны стать нашим первым смуглым доминионом, а не нашей последней смуглой колонией. Арабы упираются, если вы насильно тянете их, и они столь же цепки, как и евреи, но вы можете без усилий повести их куда угодно, если номинально будете с ними рука об руку. Будущее Месопотамии столь грандиозно, что если она душой будет с нами, мы сможем привязать к ней весь Ближний

¹⁰ Records of Syria, 1918–1973, v. 1. London, 2005, p. 625–626.

¹¹ Lawrence to Lloyd George. Draft letter. 19.IX.1919. – http://www.telstudies.org/writings/letters/1919–20/190900_lloyd_george.shtml

Восток”¹². В краткосрочной перспективе Лоуренс предлагал, признав независимость дамасского правительства Фейсала, держать при нем двух советников – британского и французского (каждый из которых должен был отвечать за “свою” часть арабского королевства), а также предоставить ему два выхода к морю – в Александретте (во французской зоне) и в Хайфе (в британской). В дальнейшем предполагалось создание грандиозного арабского политического образования: сначала Хиджаз следовало “присоединить” к Сирии на тех же условиях, на которых он раньше был включен в Османскую империю, затем обе эти страны следовало “присоединить” к Месопотамии и сделать Багдад столицей объединенного арабского государства. Отметим, что такая схема прямо противоречила планам короля Хусейна, который именно Хиджаз считал центром арабского объединения.

Керзон попросил своих коллег из Форин офиса высказать свое мнение о предложениях Лоуренса, и мы располагаем результатами этой дискуссии. Х. Янг отметил, что Форин офис вовсе не собирался привлекать Лоуренса как посредника при переговорах с Фейсалом. В этой роли использовался “политический офицер” полковник К. Корнуоллис, подчиненный непосредственно Керзону. Лоуренс мог быть полезен лишь как личный друг Фейсала, но его хорошо известная антипатия к французам делала невозможным предоставление ему каких-либо официальных полномочий. Кроме того, по мнению Янга, Лоуренс забывал, что предстояло “убедить” не только Фейсала, но и “сирийский народ”, чего невозможно было достичь одним только личным обаянием самого Лоуренса. С. Кидстон (глава Ближневосточного департамента) согласился, что Лоуренса “следует держать на заднем плане, насколько это возможно”¹³. Сам Корнуоллис считал, что предложения Лоуренса “оставляют слишком много на волю случая” и не могут быть приняты арабами без дополнительных “обещаний” со стороны британского правительства, которые, в свою очередь, в дальнейшем могут поставить его в затруднительное положение и вызовут возмущение у французов¹⁴. Каждый из сотрудников предлагал свой план урегулирования ситуации на Востоке. Разбор этих планов не входит в нашу задачу. Отметим только, что их “общим знаменателем” являлась необходимость трехстороннего соглашения между Великобританией, Францией и Фейсалом, в то время как план Лоуренса французские интересы практически игнорировал. Для достижения такого соглашения предполагалось оказывать известное давление на каждого из несговорчивых партнеров Лондона. Х. Янг писал, что Лоуренса следует “использовать, чтобы влиять на Фейсала в нужном направлении”¹⁵, когда начнутся трехсторонние переговоры, но не более того.

Лорд Керзон гораздо больше внимания уделил замечаниям своих подчиненных по поводу письма Лоуренса, нежели самому письму. Все рассуждения о будущем региона казались ему на тот момент “несколько спекулятивными”, поскольку неясны были будущие последствия эвакуации британских войск из Сирии, а также реакция французов на британские условия этой эвакуации¹⁶. Из всех многочисленных предложений Керзона заинтересовал только план Корнуоллиса, основанный на идее Лоуренса о прикомандировании к Фейсалу английского и французского советников. Корнуоллис вместо этого предложил назначить двух “резидентов”, каждый из которых “отвечал” бы за свою “сферу влияния” в рамках государства Фейсала. Предполагалось заключение англо-французского соглашения, по которому каждая из сторон отказывалась посылать своих “советников” в зону преимущественных интересов другой стороны¹⁷. К идее арабского самоуправления в Месопотамии Керзон относился скептически: “я не представляю, что может означать арабская администрация в Месопотамии, и никто

¹² Records of Syria, 1918–1973, v. 1, p. 682–684.

¹³ Ibid., p. 685–692.

¹⁴ Ibid., p. 709–711.

¹⁵ Ibid., p. 692.

¹⁶ Ibid., p. 698–700.

¹⁷ Ibid., p. 709–711.

другой не представляет”. Тем не менее Керзон распорядился переслать письмо Лоуренса А. Хиртцелю из министерства по делам Индии, которое в тот момент управляло Месопотамией¹⁸. Реакция Хиртцеля на планы Лоуренса нам не известна, но, учитывая дальнейшие события, можно предположить, что она была резко негативной. Личного ответа от Керзона на свое письмо Лоуренс так и не получил, однако он мог рассчитывать на сочувствие своим идеям со стороны влиятельной группы сотрудников Форин офиса, со многими из которых он был знаком со времен работы в каирском “Арабском бюро” или с “арабского восстания”. К их числу следует отнести Г. Клейтона, К. Корнуоллиса, Х. Янга. Как мы видели, они могли расходиться с Лоуренсом в деталях, но разделяли его общие принципы относительно британской политики на Ближнем Востоке¹⁹.

Между тем трехсторонние англо-франко-арабские переговоры так и не состоялись, и Фейсал, проведя более месяца в Лондоне, вынужден был отправиться в Париж договариваться об условиях франко-сирийского договора. Лоуренс тем временем, не имея возможности влиять на принятие политических решений, сосредоточился на работе над книгой об Арабском восстании. К концу года рукопись была готова и даже показана нескольким друзьям, но потом по небрежности потеряна на железнодорожной станции. Пришлось все начинать заново. Вторая версия была закончена к апрелю 1920 г.

За это время в судьбах Арабского Востока произошли драматические перемены. Ни Великобритания, ни США по разным причинам поддерживать независимость Сирии не хотели. В декабре Фейсал вынужден был заключить с французами такой кабальный договор, который побоялся даже показать своим сторонникам в Дамаске. В марте 1920 г. Сирийский конгресс провозгласил его королем. Это был открытый вызов не только Франции, но и Великобритании. В апреле должна была состояться конференция в Сан-Ремо, которой предстояло вынести окончательный приговор “освобожденным” арабам, утвердив распределение мандатов. Именно в этой драматической обстановке Лоуренс работал над своим произведением. Именно она объясняет многие особенности работы, заглавие которой было взято из библейской “Книги Притч”: “Семь столпов мудрости”²⁰.

Мы не можем здесь давать развернутую характеристику этой книги. Критики справедливо отмечали ее существенные недостатки как исторического повествования об Арабском восстании. Главным из них было явное преувеличение роли самого автора в описанных событиях. Но на многие из этих замечаний Лоуренс, словно предвидя их, ответил сам: “Это книга не об арабском восстании, а о моем участии в нем”. Любой из более чем 40 британских офицеров, перечисленных им во введении, мог, по словам Лоуренса, рассказать собственную историю. Так что фигура автора оказалась в центре повествования не из-за его “мании величия”, а из-за литературного “оптического обмана”, вполне естественного в автобиографическом произведении. Кроме того, некоторое приуменьшение роли британцев и французов в восстании было вполне объяснимо в тот момент, когда Великобритания и Франция готовились разделить арабские земли.

Как и следовало ожидать, конференция в Сан-Ремо 25 апреля 1920 г. вынесла свой приговор арабским странам Ближнего Востока. Великобритания получила мандаты на Месопотамию и Палестину, Франция – на Сирию и Ливан. В отношении Сирии приговор был приведен в исполнение 25 июля, когда колонна французских войск вступила в Дамаск, изгнав оттуда эмира Фейсала.

Удивительным образом Лоуренс, так много сделавший для утверждения Фейсала на престоле в Дамаске, проявил весьма мало интереса к его падению с этого трона. Его внимание теперь было приковано к Месопотамии, о которой, в отличие от Си-

¹⁸ Ibid., p. 690.

¹⁹ Paris T.J. Op. cit., p. 785–786.

²⁰ Lawrence T.E. Seven Pillars of Wisdom. Various editions.

рии, он не мог судить на основе личных впечатлений. Именно Багдад, а не Дамаск и не Мекку он видел теперь центром притяжения для всего Ближнего Востока. Между тем обстановка в этой стране, которая с войны находилась под управлением англо-индийской администрации, с каждым месяцем становилась все более напряженной. В июле в стране вспыхнуло антианглийское восстание. Фактическим руководителем страны был “гражданский комиссар” А. Вильсон, выступавший резко против любых экспериментов с самоуправлением в Ираке и вызывавший у Лоуренса особенно резкую антипатию. Еще в сентябрьском письме к Керзону Лоуренс предлагал сместить А. Вильсона и заменить его многоопытным дипломатом и администратором П. Коксом. С лета 1920 г. Лоуренс повел систематическую кампанию в прессе пролив англо-индийской администрации Месопотамии и лично против А. Вильсона.

Основная мысль, “красной нитью” проходившая через все эти выступления, заключалась в том, что главной причиной всех проблем Великобритании на Востоке был неверный подход к управлению арабскими территориями. Военная администрация, созданная во время войны, нисколько не изменилась через полтора года после ее окончания. И здесь он снова обращается к своей идее “смуглых доминионов”. “Я сделал бы арабский язык правительства. Это потребовало бы сокращения британского персонала и возвращения к работе квалифицированных арабов. Я бы набрал две дивизии местных добровольных войск, целиком арабских от старшего дивизионного генерала до рядового (тренированных офицеров и сержантов есть тысячи). Я бы доверил этим новым подразделениям поддержание порядка и приказал бы покинуть страну каждому британскому, каждому индийскому солдату. Эти перемены займут 12 месяцев, и затем мы будем держать Месопотамию так же прочно (или так же слабо), как мы держим Южную Африку или Канаду. Я считаю, что арабы в этих условиях будут также верны Империи и они не будут стоить нам ни цента”. Лоуренс не считал свои идеи чем-то совершенно новым. Реформы Э. Монтагю в Индии и деятельность комиссии лорда А. Мильнера в Египте свидетельствовали о движении в том же направлении²¹. Великобритания не могла упрекать французов за разгром правительства Фейсала. Французы лишь в очень скромной манере последовали примеру, который им дала Великобритания своими действиями в Месопотамии²². “Наша система управления хуже, чем турецкая. Они держали четырнадцать тысяч местных призывников на службе и убивали в среднем двести арабов в год для поддержания мира. Мы держим девяносто тысяч человек с аэропланами, броневиками, канонерками и бронепоездами. Мы убили около десяти тысяч арабов этим летом”²³. Исправлять ситуацию полумерами было нельзя. “Сейчас требуется разорвать все то, что мы уже сделали и начать все заново на консультативной основе”²⁴. Лорд Э. Кромер контролировал шесть миллионов человек в Египте с одной тысячью британских солдат; полковник А. Вильсон не может контролировать три миллиона в Месопотамии, имея войско в девяносто тысяч²⁵.

Нельзя сказать, чтобы министерство по делам Индии оставило эти выпады без ответа. Прямолинейный “империализм” А. Вильсона и его резкое неприятие любых форм арабского самоуправления вызывали отторжение и в его собственном ведомстве. И министр Э. Монтегю, и глава политического департамента А. Хиртцель не сомневались, что ситуация настойчиво требовала расширения участия арабов в управлении Месопотамией. Однако А. Вильсон позволял себе напрямую игнорировать и саботировать распоряжения собственного руководства²⁶. Пока обстановка в стране оставалась относительно спокойной, ему все сходило с рук, однако начало восстания, разумеется, серьезно поставило под вопрос “служебное соответствие” А. Вильсона. Но разверну-

²¹ T.E. Lawrence to the editor of The Times. – The Times, 22.VII.1920.

²² Lawrence T.E. France, Britain and Arabs. – The Observer, 8.VIII.1920.

²³ Lawrence T.E. Mesopotamia. – Sunday Times, 22.VIII.1920.

²⁴ Lawrence T.E. France, Britain and Arabs.

²⁵ Lawrence T.E. Mesopotamia.

²⁶ Paris T.J. Op. cit., p. 782.

тая Лоуренсом кампания в прессе парадоксальным образом укрепила его положение. Чувство “корпоративной солидарности” заставило и Монтегю, и Хиртцеля встать на защиту своего “проконсула” в Месопотамии, несмотря на то, что они по-прежнему были убеждены в несостоятельности его методов. Правда, чиновники индийского министерства предпочитали “не выносить сор из избы” и высказываться в закрытых меморандумах, а не в открытой печати. Один из таких меморандумов, написанных лично Монтегю, был прямым ответом на статью Лоуренса в “Таймс”. Монтегю оправдывал практику “прямого” управления в Месопотамии тем, что иного выбора просто не было. Турецкая администрация опиралась на чиновников-суннитов, которые либо бежали с турками, либо были протурецки настроены, а, стало быть, неблагонадежны. Шиты же, отстраненные при турках от управления, необходимого опыта не имели. Кроме того, Месопотамия по-прежнему была оккупированной вражеской территорией, поскольку договор о мире с Турцией еще в силу не вступил. Монтегю вступился и за А. Вильсона, который, хоть и поздно принял идею введения самоуправления в Месопотамии, теперь готов был проводить ее со всей возможной энергией²⁷. Это, кстати, было правдой. Вильсон изменил свое отношение к Фейсалу почти сразу после его изгнания из Дамаска и признал, что “из всех арабских правителей он единственный имеет представление о практических трудностях цивилизованного управления правителями” и будет готов принять британскую “помощь”²⁸. В другом документе индийского министерства рассматривался взгляд министерства на причины восстания. Они, по мнению авторов, лежали “вне Месопотамии”. В документе прямо указывалось на заговор всех врагов Британии, в который входили большевики, кемалисты и “индийские анархисты”, а также, вероятно, представители американского треста “Стандарт Ойл”. В борьбе с этим “заговором” ставки были слишком высоки: “Мы должны признать, что мы боремся в Месопотамии не за конституционный вопрос о будущем управлении Месопотамией, а за само существование цивилизации на Ближнем Востоке. Если нас изгонят, только анархия может последовать за этим”. Вместе с тем авторы документа предлагали не только полагаться на силу оружия, но и искать опору среди умеренных “пробританских” националистов, и лучшей кандидатурой для них представлялся Фейсал²⁹. Таким образом, идея использовать Фейсала, только что изгнанного из Сирии, в качестве нового правителя Ирака уже в августе поддерживалась не только Форин офисом и Лоуренсом, но и министерством по делам Индии, которое многим представилось тогда едва ли не главным виновником кровавых событий в Месопотамии.

Лоуренс тем временем решил от разовых выпадов в сторону англо-индийской администрации перейти к систематическому изложению своих взглядов. В сентябрьском номере авторитетнейшего журнала “Круглый стол” появилась его большая статья “Меняющийся Восток”. Основная идея Лоуренса заключалась в том, что Европе более никогда не придется иметь дело с неподвижным, консервативным и замкнутым Востоком, образ которого сложился за предшествующие столетия. Интенсивный контакт с Западом на протяжении нескольких десятков лет изменил Ближний Восток до неузнаваемости. На смену бедуинскому мечу пришли пулеметы, на смену каллиграфу – переписчику книг – типографии и газеты. “Азия за тридцать лет перепрыгнула через стадию, которая заняла у нас столетия”. Такие резкие перемены воспринимались Востоком весьма болезненно, но это была “цивилизационная болезнь”. Она привела к падению Османскую империю, неспособную к адаптации, и она же коренным образом изменила систему ценностей во всем регионе. “Восток остался мусульманским, но

²⁷ National Archives. Cabinet Papers CAB 24/109. Mesopotamian Administration. Memorandum by Secretary of State for India. 23.VII. 1920. P. 397–398. –<http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>

²⁸ *Paris T.J.* Op. cit., p. 787.

²⁹ National Archives. Cabinet Papers. CAB. 24/110. Note on the Causes of the Outbreak in Mesopotamia. Undated. P. 428–429. Из текста документа очевидно, что он составлен после 6.VIII. 1920.

его общественная жизнь стала национальной”. Турецкий национализм обрел форму пантюркизма, но арабский имел гораздо больше шансов на успех. Лоуренс посвящает несколько предложений описанию национального характера арабов. “Это люди гораздо более высокой ментальности (чем турки. – *А.Ф.*); тонкого ума, способные к глубине мысли; практического ума, способные к производству; зажигающегося ума, способные к разрушению. Им не хватает системы, устойчивости, организации. Они не-исправимые рабы идеи, люди порывов, непостоянные, как вода, но имеющие нечто от ее всепроникающего и затопляющего характера”. Сравнив недавнее Арабское восстание с эпохой первых арабских завоеваний, Лоуренс обратился далее к своей излюбленной теме: “Дамаск может иметь временное превосходство; Багдад должен быть окончательным правителем, с населением в пять раз большим, чем у Сирии, и, возможно, во столько же раз большим богатством. Месопотамия будет господином Ближнего Востока и державе, контролирующей ее, суждено доминировать над всеми своими соседями”. Примерно аналогичную роль в Северной Африке должен сыграть Египет.

Будущее Британской империи в Западной Азии зависело, по мнению Лоуренса, от двух факторов: успехов сионистского эксперимента в Палестине и событий в России. Он разделял распространенную тогда иллюзию, что арабы смогут смириться с сионистским присутствием в Палестине благодаря росту экономического благосостояния страны (и ее арабского населения) в результате хозяйственной деятельности сионистов. Революция в России имела огромное значение для Азии не из-за большевистских доктрин (абсолютно здесь непригодных), а из-за того примера успешного низвержения старого режима, который Россия показала всему миру. В новых условиях произошло возрождение старого англо-русского соперничества на просторах Азии, но теперь оно развивалось на новой основе. “Русская” зона на севере континента была уже не зоной прямого господства, а скорее сферой влияния. Южные границы России, в отличие от царских времен, были открыты для потока оружия и революционных агитаторов. Следовательно, борьба с Россией за влияние в Азии становилась неизмеримо сложнее, чем в прежние времена.

Чтобы ответить на эти вызовы Великобритания должна была коренным образом пересмотреть свою политику на Ближнем Востоке. “Новый империализм” должен был стать не отступлением, а передачей ответственности местным народам. Вместо приказов следовало действовать методом советов, что, конечно же, гораздо труднее, но иного пути не было. Опирались следовало не на богатую элиту, а на “демагогов и политиков”. Конечно же, был определен риск в передаче таким людям сложнейших механизмов колониальной администрации. Но они, в конце концов, не сильно отличались от членов британской Палаты общин. Соперничества других держав можно было не опасаться, поскольку “англичанина очень любят все, кому не приходится с ним близко соприкасаться”, а Британская империя всегда сможет сделать странам Востока более выгодное предложение, чем любой потенциальный соперник. “Египет, Персия, и Месопотамия, если будут уверены в своем будущем статусе доминиона и во внутренней автономии, будут рады присоединиться к нам и будут затем стоить нам не больше денег, чем Канада или Австралия. Альтернатива в том, чтобы удерживать их с постоянно тающими силами, пока анархия не станет слишком дорогой и нам не придется уйти”³⁰.

К концу 1920 г. восстание в Месопотамии удалось подавить, но было ясно, что прежние “прямые” методы колониального управления для этой страны не годятся. В октябре 1920 г. британским верховным комиссаром в Месопотамии стал опытный колониальный администратор и дипломат П. Кокс. Новые веяния в британской политике обозначились практически сразу. Уже 11 ноября 1920 г. был сформирован Временный государственный совет Ирака³¹. Это было переходное арабское правитель-

³⁰ *Lawrence T.E.* The changing East. – Round Table, 1920, № 9.

³¹ *Туманян Т.Г.* Ирак в системе международных отношений на Ближнем Востоке. 1921–1941. Канд. дисс., рукопись. СПб., 1996, с. 24.

ство, в ведении которого находились лишь второстепенные внутренние вопросы, однако тенденция к смене методов управления была очевидна. Чтобы наладить “косвенное управление”, нужен был лояльный, но вместе с тем авторитетный арабский лидер, и единственным подходящим вариантом был Фейсал. Задачу по его превращению из беглого короля Сирии в правящего короля Ирака взяло на себя министерство по делам колоний, которое с января 1921 г. возглавил У. Черчилль. Новый министр, плохо знавший Ближний Восток, первым делом пригласил Лоуренса к себе в советники. Лоуренс согласился при условии, что его контракт будет заключен не более чем на год.

В этом назначении он увидел шанс если не исправить все совершенные англичанами “ошибки”, то хотя бы спасти то, что еще можно было спасти из наследия Арабского восстания путем создания на Ближнем Востоке самоуправляющихся “смуглых доминионов”. Оптимальным и даже единственно возможным помощником в этом деле представлялась Хашимитская династия. Вопрос предстояло обсудить на специальной конференции британских колониальных деятелей в Каире, намеченной на март. Вместе с давним товарищем по работе в “Арабском бюро” Х. Янгом Лоуренс подготовил такую “повестку дня” этой конференции, которая фактически заранее предопределяла решение. Черчилль, которого больше всего заботило сокращение военных и колониальных расходов, оказывал ему полную поддержку. На конференцию в Каире приглашения получили верховный комиссар в Палестине Г. Сэмюэль, бывший “гражданский комиссар” в Месопотамии А. Вильсон, его преемник П. Кокс. В числе экспертов помимо Лоуренса была и знаменитая Г. Белл. Ее слава “некоронованной королевы Месопотамии” вполне могла соперничать со славой нашего героя. Они были знакомы со времен довоенных “археологических” экспедиций и всегда оказывали друг другу неизменную поддержку.

Трудно сказать, насколько решения каирской конференции были “предопределены” Лоуренсом и Черчиллем. Сам Лоуренс считал их “большим достижением своей жизни, к которому война была только приговлением”. Но у участников конференции фактически не было альтернативы. Контролировать огромные ближневосточные территории было решено с помощью авиации, а не сухопутных войск. Главнокомандующий королевскими военно-воздушными силами генерал Х. Тренчард готов был предоставить свои услуги. “Самоуправляющиеся” государства Ближнего Востока могли возглавить только представители Хашимитской династии. Фейсала было решено сделать королем Ирака, а его брата Абдаллу – правителем Трансиордании (“Заиорданья”), где он “застрял” по дороге из Хиджаза в Дамаск. Принятые решения нужно было проводить в жизнь. Заботу об иракских делах взяли на себя П. Кокс и Г. Белл. Черчилль, Г. Сэмюэль и Лоуренс из Каира отправились в Иерусалим, где без труда убедили нерешительного Абдаллу принять на себя обязанности “губернатора” Трансиордании³².

Последним политическим поручением Лоуренса стала поездка в Хиджаз в июле 1921 г. Фейсал и Абдалла с готовностью приняли предложенные им королевские места. Сложнее было убедить их отца короля Хусейна согласиться с таким решением. Ведь во время войны он сам мечтал встать во главе огромного арабского государства от Индийского океана до гор Тавра. Теперь ему предлагали ограничиться только Хиджазом – своими “наследственными” землями, пусть и священными для всех мусульман. В Форин офисе подготовили проект соответствующего договора, по которому Хусейну в обмен на лояльность обещали финансовую помощь и поддержку в борьбе против злейшего врага – Абдельазиза ибн Сауда. Этот проект Лоуренс и повез в Джидду. Переговоры с Хусейном закончились полным провалом. Старый шериф не готов был расстаться со своими амбициями военного времени. В октябре Лоуренс отправился в Амман, где некоторое время исполнял обязанности британского представителя при эмире Абдалле и даже убедил его подписать злополучный договор в качестве

³² О Каирской конференции см.: *Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore – London, 1970.*

представителя своего отца. Практического значения без согласия Хусейна эта подпись не имела. Можно сказать, что, отказавшись от сотрудничества с англичанами, Хусейн предопределил печальный конец своего государства, который наступил в 1925 г., когда Хиджаз был включен во владения ибн Сауда.

Лоуренс уволился из колониального министерства в январе 1922 г. – спустя ровно год после поступления на службу. С этого момента закрываются все “героические” и политические страницы его жизни. Перед Лоуренсом были открыты многие пути, и он мог воплотить любые самые честолюбивые замыслы на каждом из них. Вместо этого он предпочел отказаться не только от славы и карьеры, но и от военного звания и даже от собственного имени, поступив под чужой фамилией в королевские военно-воздушные силы рядовым бортмехаником. В черновом предисловии к подписанному (сокращенному) изданию “Семи столпов мудрости” он в ноябре того же года с удовлетворением писал о последнем этапе своего участия в арабских делах: “Черчилль... выполнил все обещания Мак-Магона для Палестины, Трансиордании и Аравии. В Месопотамии он пошел намного дальше, дав арабам гораздо больше и оставив нам гораздо меньше, чем сэр Г. Мак-Магон считал подходящим. Во французской Сирии он не мог вмешиваться... Но я хочу записать, что Англия завершает арабские дела с чистыми руками... Я же счастлив покинуть политическую сферу, которая никогда не была мне близка”³³.

Итак, послевоенная деятельность Лоуренса носила на себе не меньший отпечаток его яркой индивидуальности, чем его приключения в Сирийской пустыне во время войны. Чтобы охарактеризовать ее, необходимо отдельно сказать о политических *целях* аравийского героя и о его *методах*. Для историков часто оставалось загадкой, в чьих интересах действовал Лоуренс – Британской империи или освобожденных арабов? Нам представляется, что он отстаивал и те, и другие интересы, не видя здесь противоречия. Правильно организованное “косвенное управление”, по его мнению, сделало бы арабов добровольными союзниками Великобритании, ее “смуглыми доминионами”, что позволило бы ей надежно контролировать огромный регион с минимальными затратами. По существу, Лоуренс хотел в грандиозных масштабах перенести на весь Ближний Восток свой личный опыт взаимодействия с арабскими вождями, полученный в ходе войны. Однако здесь существовали два серьезнейших препятствия – интересы Франции, с которыми Лондон не мог не считаться, а также позиция министерства по делам Индии и лично А. Вильсона, управлявшего Месопотамией, которая была диаметрально противоположна идеям самого Лоуренса.

Уникальность методов, использованных Лоуренсом для преодоления этих препятствий, заключается в мастерском сочетании публичной и “кулуарной” политики. Репутация знатока Ближнего Востока, а также тесные дружеские отношения с эмиром Фейсалом, сложившиеся еще во время войны, придавали ему большой авторитет в британских политических кругах, что заставляло многих политиков прислушиваться к его мнению, хотя они и воспринимали его весьма настороженно. К тому же на первом и на последнем этапах своей послевоенной политической деятельности он имел вполне официальный статус – сначала эксперта британской делегации в Париже (до мая 1919 г.), а впоследствии – советника министра колоний (в 1921 г.). Однако даже находясь на службе, Лоуренс не стал и не хотел стать “образцовым” государственным чиновником. Свое “громкое” имя он без колебаний использовал для публичной защиты “арабского дела” в том виде, как он его понимал. Этому служили и его выступления в прессе, и его книга “Семь столпов мудрости”, задуманная не только как исторический, но и как политический труд. Добившись для “арабского дела” и одновременно для Британской империи всего, что было в его силах, Лоуренс добровольно сошел со сцены.

³³ Lawrence T.E. Draft preface to an abridgement of Seven Pillars made by Edward Garnett, 18.XI.1922. – http://www.telstudies.org/writings/works/articles_essays/1922_11_18_preface.shtml